

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТ. 207.3 УК РФ

Чижова Елена Сергеевна

Аспирант, ФГБОУ ВПО «Мелитопольский
государственный университет», Нижний Новгород
110sk@mail.ru

INFORMATION SECURITY AND CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE

E. Chizhova

Summary. The article presents a comprehensive study of criminal law protection of information security in the context of disseminating deliberately false information regarding the activities of the Armed Forces of the Russian Federation. Particular attention is given to the analysis of Article 207.3 of the Russian Criminal Code as a legal instrument for responding to hybrid informational threats. The research identifies the conceptual ambiguity between «deliberately false» and «unreliable» information, explores conflicts in law enforcement practice, and examines intersections with other criminal and administrative norms. Theoretical and legal approaches to the qualification of such acts are presented, alongside criteria distinguishing intentional disinformation from evaluative judgments. Based on the analysis of court rulings and academic sources, specific legislative proposals are developed to improve Article 207.3 of the Criminal Code: refinement of the article's wording, introduction of legal definitions, delimitation from administrative offenses, and issuance of interpretative guidance by the Supreme Court. The study aims to ensure a balanced approach between safeguarding national security and upholding the constitutional right to freedom of expression.

Keywords: information security, criminal law, deliberately false information, Armed Forces of the Russian Federation.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию уголовно-правовой охраны информационной безопасности в контексте распространения заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу статьи 207.3 УК РФ как нормативного инструмента реагирования на гибридные информационные угрозы. Обоснована проблема неопределенности понятий «заведомо ложная» и «недостоверная» информация, выявлены правоприменительные коллизии и противоречия с другими уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами. Представлены теоретико-правовые подходы к квалификации соответствующего деяния, сформулированы критерии различия умышленной дезинформации и выражения оценочных суждений. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников предложены конкретные меры по совершенствованию статьи 207.3 УК РФ: уточнение диспозиции, введение легальных дефиниций, разграничение с административными составами, а также принятие разъяснений Верховного Суда РФ. Работа направлена на формирование баланса между защитой национальной безопасности и соблюдением конституционного права на свободу выражения мнения.

Ключевые слова: информационная безопасность, уголовное право, заведомо ложная информация, Вооруженные Силы Российской Федерации.

Современный этап развития информационного общества характеризуется интенсивным распространением цифровых технологий, что одновременно расширяет возможности оперативного получения сведений и обостряет угрозы, связанные с распространением дезинформации. Особую актуальность приобретает правовая охрана сведений, касающихся использования Вооруженных Сил Российской Федерации, а также исполнения полномочий государственными органами в сфере обеспечения обороноспособности и национальной безопасности.

В этих условиях статья 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее — УК РФ) призвана служить правовым инструментом защиты достоверной информации от преднамеренного искажения, подрывающего доверие общества к институтам государственной власти и обороны. Однако практика ее применения выявляет ряд проблем: отсутствие четких критериев для квалификации ложности сведений, трудности доказывания субъективной стороны деяния, коллизию с иными уголовно-правовыми нормами, а также угрозу ограничения свободы выражения мнений.

Цель статьи заключается в выявлении ключевых проблем правоприменения статьи 207.3 УК РФ и формулировании предложений по ее совершенствованию с учетом баланса между информационной безопасностью и конституционными правами личности.

Исследование основано на анализе действующего уголовного законодательства Российской Федерации, доктринальных источников. Методологическую базу составили формально-юридический метод, использованный для выявления признаков состава преступления, а также системный подход, позволивший рассматривать уголовно-правовую охрану информации в контексте обеспечения информационной безопасности как элемента национальной безопасности.

Вопросы уголовно-правовой охраны информации в условиях военных и кризисных ситуаций рассматриваются в работах А.Р. Шариповой [9], М.Н. Шипуновой [10], Е.А. Ильяшенко [3] и А.В. Бриллиантова [1]. Авторы анализируют состав преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, с точки зрения квалификационных признаков и подчеркивают необходимость разграничения с иными нормами уголовного закона. Они акцентируют внимание на различии между категориями «заведомо ложности» и «недоверности», обосновывая недопустимость уголовной ответственности в случае добросовестного заблуждения.

При этом большинство авторов указывают на необходимость уточнения диспозиции статьи, установления единых критериев «официальной» информации и принятия разъяснений со стороны Верховного Суда РФ. Это свидетельствует о высоком уровне научной дискуссии и наличии устойчивого запроса на совершенствование уголовно-правового регулирования в сфере информационной безопасности.

Результаты

Обеспечение информационной безопасности в условиях современных конфликтов и гибридных угроз приобретает значение одной из ключевых задач уголовного права как инструмента защиты национальных интересов. С точки зрения теории уголовного права, предмет охраны выступают общественные отношения, обеспечивающие достоверность, устойчивость и правомерность информационного взаимодействия между государством и обществом, особенно в контексте военной деятельности. В этой связи введение статьи 207.3 УК РФ следует рассматривать как элемент нормативного ответа на трансформацию характера угроз общественной безопасности, связанных с распространением деструктивной, ложно представленной либо преднамеренно искаженной информации.

Информация о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации имеет особый правовой режим, поскольку она одновременно является предметом общественного интереса (в силу ее влияния на общественное мнение и легитимацию власти) и предметом государственной тайны, а также элементом информационной безопасности государства.

Информационная безопасность охватывает не только защиту от внешних киберугроз или технических утечек, но и предотвращение манипулирования общественным сознанием с помощью заведомо ложной информации. При этом уголовно-правовая охрана затрагивает не сами факты военной деятельности, а стабильность восприятия этих фактов обществом и возможность государства сохранять управляемость и контроль над распространением стратегически важной информации [2, с. 1735].

Согласно доктрине уголовного права, такие деяния должны обладать высоким уровнем общественной опасности, иметь конкретный умысел и подлежать точной квалификации. Это предполагает, что информация, ставшая предметом уголовно-правовой охраны, должна:

- обладать признаками общественной значимости (то есть быть релевантной для неопределенного круга лиц и затрагивать значимые сферы, такие как безопасность, правопорядок, права граждан);
- быть заведомо ложной, а не просто недостоверной или непроверенной;
- распространяться публично (через СМИ, интернет-платформы, мессенджеры и иные средства массовой коммуникации) [5, с. 310].

Тем самым уголовно-правовая защита в сфере информационного взаимодействия не подменяет собой свободу выражения мнений, а ограничивает ее исключительно в случаях, когда умышленное искажение фактов создает угрозу общественной безопасности или функционированию государственной власти в условиях внешней или внутренней нестабильности.

Одним из ключевых теоретических и практических вопросов, возникающих при применении статьи 207.3 УК РФ, является разграничение понятий «недостоверная» и «заведомо ложная» информация. Эти термины нередко отождествляются в правоприменительной практике, что порождает риск криминализации сообщений, не обладающих признаком умышленной лживости. Между тем, с точки зрения уголовно-правовой доктрины, речь идет о принципиально разных правовых явлениях, требующих различного подхода как к квалификации, так и к доказыванию вины [7, с. 105].

Термин «заведомо ложная информация» в статье 207.3 УК РФ предполагает наличие у субъекта до-

стоверного знания о несоответствии распространяемых сведений действительности. Заведомость означает, что лицо точно знает, что сообщение, которое оно публикует или иным образом распространяет, не соответствует реальному положению дел, и тем не менее сознательно доводит его до сведения третьих лиц. Таким образом, обязательным условием уголовной ответственности является установление прямого умысла и внутренней убежденности лица в лживости информации, что отличает данный состав преступления от деяний, основанных на неосторожности или заблуждении.

В противоположность этому, категория недостоверной информации охватывает более широкий и менее определенный круг сообщений, точность которых может быть поставлена под сомнение, но отсутствие намерения ввести в заблуждение делает их малопригодными для уголовно-правовой оценки. Недостоверность может быть следствием ошибочной интерпретации фактов, непроверенных источников, искажения смысла из-за перевода или контекста. Как подчеркивает С.М. Мальков, недостоверность может существовать вне умысла, тогда как заведомая ложность требует внутреннего согласия субъекта с тем, что он искажает факты умышленно [6, с. 29]. С этой точки зрения уголовная ответственность в рамках статьи 207.3 УК РФ допустима только в случае, если установлено, что лицо действовало с прямым умыслом и полной осведомленностью о ложности распространяемой информации.

Доктрина предлагает включение в закон определения заведомо ложной информации как информации, в ложность которой лицо не просто сомневается, но имеет достоверные основания считать ее несоответствующей действительности и при этом сознательно ее распространяет. Также высказывается мнение о необходимости законодательного разграничения уголовно наказуемой лжи и иных форм искажения информации. В частности, Е.А. Ильяшенко обосновывает предложение о закреплении в уголовном законе термина «общественно значимая информация» как особого объекта охраны, к которому предъявляются более жесткие требования как к достоверности, так и к квалификации деяний, посягающих на нее [4, с. 53].

Научная дискуссия подтверждает, что без четкой дефиниции заведомости, а также без методологических инструментов для ее установления, применение статьи 207.3 УК РФ остается уязвимым для произвольной интерпретации. Концептуальное различие между ложью, недостоверностью и заблуждением должно быть нормативно закреплено, а судебная практика — ориентирована на доказательственный стандарт, исключающий уголовное преследование в случае отсутствия осознанного умысла.

Применение статьи 207.3 УК РФ выявило целый ряд системных и практических проблем, обусловленных как правовой неопределенностью самой нормы, так и отсутствием устойчивых судебных подходов к ее толкованию. Эти сложности затрагивают как процедуру доказывания заведомости, так и вопросы соотношения статьи с другими нормами уголовного и административного законодательства.

Наиболее существенная правоприменительная проблема заключается в трудности установления субъективной стороны преступления. Доказать, что лицо заведомо знало о ложности распространяемой информации и все же приняло решение публично ее обнародовать, чрезвычайно сложно, особенно в условиях, когда речь идет о суждениях, интерпретациях или альтернативных источниках информации. Наличие расхождений с официальной позицией властей априори воспринимается как доказательство заведомой ложности, что подменяет доказательство умысла презумпцией недостоверности.

Дополнительную сложность представляет разграничение статьи 207.3 УК РФ с нормами, устанавливающими административную ответственность. При отсутствии четких критериев различения между административно и уголовно наказуемыми формами распространения ложной информации велика вероятность необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Это особенно актуально в случаях, когда деяние было совершено впервые, не повлекло тяжких последствий и не свидетельствует о повышенной общественной опасности. В результате правоприменитель сталкивается с необходимостью правовой квалификации одного и того же действия по нескольким возможным основаниям, без должного руководства со стороны законодателя или Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Коллизионный характер статьи также проявляется при совмещении ее с нормами о клевете (ст. 128.1 УК РФ) и дискредитации использования Вооруженных Сил РФ (ст. 280.3 УК РФ). Эти составы частично пересекаются по предмету и объективной стороне, что приводит к проблемам при квалификации. Например, если лицо распространяет информацию, порочащую как конкретное лицо, так и государственные институты, одновременно содержащую ложные сведения, возникает ситуация идеальной совокупности. Однако отсутствие разъяснений по поводу границ между этими составами вызывает правовую неопределенность и способствует разным подходам в судах различных регионов.

Таким образом, проблемы применения статьи 207.3 УК РФ связаны не только с ее формулировками, но и с отсутствием правовых механизмов разграничения схожих составов, неопределенностью в квалификационных признаках и отсутствием процессуальных гарантий

от произвольной интерпретации. Решение этих проблем требует как нормативного вмешательства, так и унификации судебной практики, направленной на соблюдение баланса между охраной интересов государства и правами личности.

Анализ теоретических и практических аспектов применения статьи 207.3 УК РФ свидетельствует о необходимости ее совершенствования с учетом принципов правовой определенности, баланса публичных и частных интересов, а также соблюдения базовых стандартов уголовной ответственности. Речь идет не о пересмотре самой идеи уголовной охраны информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, а о приведении ее нормативной конструкции в соответствие с требованиями предсказуемости, разумной дифференциации и процессуальной защищенности лица, привлекаемого к ответственности.

Во-первых, целесообразно внести изменения в статью 207.3 УК РФ, дополнив ее примечанием, в котором следует закрепить, что под заведомо ложной информацией понимаются сведения, которые лицо распространяет при наличии достоверных и проверяемых оснований считать их недостоверными, с намерением исказить действительное положение дел. Такая формулировка позволит исключить уголовную ответственность за выражение оценочного суждения, добросовестное заблуждение или критику, не сопряженную с умышленным введением в заблуждение.

Во-вторых, необходимо ввести легальное определение понятия «общественно значимая информация» как особого объекта правовой охраны в условиях информационных угроз. Под этим понятием следует понимать сведения, затрагивающие обороноспособность страны, функционирование органов государственной власти, безопасность граждан и устойчивость общественного порядка. Введение этой категории позволит более точно очертить границы действия статьи 207.3 УК РФ и устранить риски ее произвольного применения по отношению к малозначительным или бытовым высказываниям.

В-третьих, рекомендуется разграничить уголовно наказуемые и административные формы ложной информации путем дополнения статьи 207.3 примечанием о критериях отграничения от состава административных правонарушений. Ключевыми элементами такой дифференциации могут быть: систематичность распространения информации, мотив умышленного подрыва доверия к государственным институтам, использование информационных платформ с широкой аудиторией, а также наступление тяжких последствий (например, массовые беспорядки или подрыв мобилизационных мероприя-

тий).

В-четвертых, следует инициировать принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего вопросы квалификации, доказательства субъективной стороны, разграничения с другими составами преступлений (клевета, экстремизм, дискредитация) и допустимости использования официальной информации как критерия истины. Такой документ необходим для единообразия судебной практики и минимизации правоприменительных ошибок.

В-пятых, в целях соблюдения принципа *ultima ratio*, имеет смысл ввести институт дифференциации ответственности в зависимости от последствий, выделив в статье 207.3 три уровня: базовый состав (распространение без наступления последствий), квалифицированный (деяние, повлекшее массовые беспорядки, мобилизационные сбои или иные тяжкие последствия) и привилегированный (при отсутствии умысла и добровольном удалении информации — возможность освобождения от уголовной ответственности). Это позволит придать норме гибкость и пропорциональность в применении.

Таким образом, предложенные изменения направлены на устранение пробелов и неопределенностей, повышение эффективности правоприменения, защиту прав и свобод граждан, а также укрепление доверия к правовой системе в условиях информационной напряженности. Совершенствование статьи 207.3 УК РФ требует комплексного подхода, сочетающего законодательные меры, судебное толкование и развитие правовой культуры. Ее появление отражает стремление государства укрепить охранительный потенциал уголовного права в сфере цифровых коммуникаций. Проблемы доказывания субъективной стороны, конкуренции с другими составами, размытости предмета охраны и произвольного толкования категории «ложности» требуют системного осмысления. Предложенные меры по совершенствованию законодательства, включая уточнение диспозиции статьи, введение дефиниции общественно значимой информации, разграничение с административными правонарушениями и принятие разъяснений Верховного Суда РФ, направлены на устранение наиболее острых противоречий между защитой интересов государства и необходимостью соблюдения принципов справедливого уголовного судопроизводства. Уголовно-правовая защита информационного пространства требует не только ужесточения санкций, но прежде всего точности формулировок, обоснованности вмешательства в публичную сферу и приоритетного соблюдения баланса между безопасностью и свободой в условиях современных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриллиантов А.В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. 2023. № 10. С. 82–92.
2. Иващенко З.С., Васильченко О.В., Григорян Д.К., Малявина А.Б. Фейковые новости о ходе проведения специальной военной операции как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 13. № 9 (62). С. 1731–1740.
3. Ильяшенко Е.А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Российский следователь. 2024. № 6. С. 15–17.
4. Ильяшенко Е.А. Преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации: отдельные вопросы разграничения // Российский следователь. 2025. № 2. С. 51–54.
5. Капица В.С., Капица Т.А., Бушков Д.В. Обусловленность изменений уголовного закона как инструмент противодействия преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка, государственной власти // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 309–311.
6. Мальков С.М. Фейки как деяние против военной службы и уголовно-правовое противодействие им // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 27–31.
7. Третьяк М.И. Понятие «дискредитации» как уголовно-правовое и административно-правовое деяние // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 100–109.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.
9. Шарипова А.Р. Криминализация распространения заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 318–319.
10. Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41–45.

© Чижова Елена Сергеевна (110sk@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»